

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ

А.М. СТРАХОВ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: strakhov@bsu.edu.ru

В статье идет речь о русской половой культуре. Основная мысль состоит в том, что русская народная сказка иллюстрирует уровень развития и особенности русской половой культуры.

Ключевые слова: сказка, культура, пол, эротика, Россия

Как культура в целом имеет национальную окраску, так последняя несомненно присуща и культуре половой. Стендаль (А. Бейль) одну из глав своего трактата «О любви» назвал «О различии наций в отношении любви». До XIX в. в России любви в философской и художественной литературе не отводилось много места, да и позже возросший интерес к данной проблематике не мог быть сопоставим с ситуацией в Западной Европе и особенно во Франции: достаточно вспомнить пресловутые «французские романы», французскую классическую литературу, представленную О. де Бальзаком, Г. де Мопассаном, тем же Стендалем. Французом был и скандально известный маркиз Д.-А.-Ф. де Сад. Русскому национальному характеру и самосознанию в целом не было свойственно культовое отношение к половой любви, отсутствовали как восточная утонченность, так и западная ориентация на чувственность. (Не случайно впоследствии с половой культурой Востока россияне познакомились через Запад). «В России вплоть до XVIII века отсутствовал литературный жанр скабрёзных историй об интимных отношениях между мужчиной и женщиной – западноевропейские фавль, пошлые анекдоты. Причем на Западе в создании этих скабрёзных историй принимали участие все слои общества – от рыцарей и монахов до ремесленников и крестьян», – отмечает О.А. Платонов¹. В.В. Розанов убежден, что интимное взаимоотношение полов «должно быть средоточием праздничного, легкого, светлого, безработного, не отягченного ничем настроения души, последним моментом ласк, нежности, деликатности, воркованья, поцелуев, объятий»², а русские «засыпают, без поэзии, без религии, без единого поцелуя, часто без единого даже друг другу слова!»³. Поэтому философ советует русским учиться праздничному отношению к половой жизни у мусульман и евреев. «Поэтический идеал нецивилизованного русского человека» подвергает критике и И.С. Тургенев. Его литературный персонаж из «Дыма» Потугин заявляет: «Разверните наши былины, наши легенды. Не говорю уже о том, что любовь в них постоянно является как следствие колдовства, приворота, производится питием “забыдущим” и называется даже присухой, зазной; не говорю также о том, что наша так называемая эпическая литература одна, между всеми другими, европейскими и азиатскими, одна, заметьте, не представила – коли Ваньку-Таньку не считать – никакой типической пары любящих существ; что святорусский богатырь свое знакомство с суженой-ряженой всегда начинает с того, что бьет ее по белому телу “нежалухую” – отчего “и женский пол пухол живет”»⁴. В самом деле, русских аналогов таких историй любви, какими славится Восток и Запад, практически нет (Лейли и Меджнун, Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта в литературных образцах, Абелья и Элоиза, Данте и Беатриче, Петрарка и Лаура в реальной жизни).. На русском социокультурном пространстве не мог возникнуть «Декамерон», возникли, причем значительно позже, «хулиганские» барковские, пушкинские, лермонтовские, полежаевские и других авторов стихи, даже

¹ Платонов О.А. Русская цивилизация. – М.: Роман-газета, 1995. – с.127.

² Розанов В.В. Люди лунного света./Уединенное. – М.: Правда, 1990, – с.62.

³ Там же. – с.63.

⁴ Тургенев И.С. Дым./Собр. соч. в 10 т. Т.4. – М.: ГИХЛ, 1961, – с.76.

Тургенев не удержался от соблазна подобного самовыражения. А в народе хамства, «безобразия, пьянства» (Н.С. Лесков) всегда хватало, и в «заветных» сказках, и в частушках, и просто в повседневной речи, даже детской, звучали (к сожалению, продолжают звучать) грязные слова. И даже находят свое теоретическое оправдание в лице Виктора Ерофеева, художественное творчество которого насыщено похабщиной и матом. При этом автор ссылается на опыт ряда зарубежных стран. Констатируя, что мат ныне вышел на «языковую поверхность», ослабев как ругательство, писатель пишет, что «французская культура перемолотила мат, вобрала его в повседневный язык на уровне “украинных”, грубых, но маловыразительных слов»⁵; а позже, в 60-70-е гг. XX века так поступили англичане, итальянцы, немцы. Впрочем, русский мат Виктор Ерофеев мало-выразительным никак не считает. «Я никогда не назову мужские гениталии постыдным постыдным словом член. ... есть ..., и я буду писать это слово с заглавной буквы, как в слове Родина. Я вычеркиваю его из словаря нецензурных слов», – заявляет он⁶.

О.А. Платонов, рисуя несколько идеализированный нравственный облик русского народа, пишет: «Еще в начале XX века в большинстве деревень Русского Севера ... употребление матерных словечек считалось грехом и бесстыдством. Поголовную матерщину в русскую деревню принесли большевики с их опорой на деклассированные элементы, ставшие ядром начальствующего состава большевистского режима в деревне. Похабщина и мат для этих элементов были выражением “народности”. В полной мере этот элемент “народности” был развит советской интеллигенцией, для которой похабные анекдоты и матерщина стали неотъемлемой частью лексикона – от инженера и профессора до министра»⁷. Русская художественная литература свидетельствует об обратном (К.М. Станюкович, А.И. Левитов, П.С. Романов, например), да и большевики за исключением руководящего состава партии были людьми из народа.

Крещение Руси привело к утверждению христианской половой морали в византийской форме. Нормой праведной жизни становится аскетизм, формируется своеобразный культ монашества, отшельничества, странничества (а позже у некоторой части крестьянских масс даже скопничества), сопровождаемый презрением к плотскому. Но полностью изжить следы язычества в сфере взаимоотношения полов, как ни старалась поддерживаемая государством церковь, не удалось: языческое влияние прослеживалось в народных играх, в скоморошестве, в свадебной обрядности. Например, очень давнюю традицию имеют хороводы, наполненные в свое время мифологическим смыслом брачного соития неба с землей. То же можно сказать о поклонении Яриле и о скоморошестве. О последнем А.Н. Афанасьев пишет: «Вызванное культом Перуна – оплодотворителя, насилующего облачных дев и щедро рассыпающего семя дождя, оно не отличалось особенною скромностью и требовало от плясок сладострастных движений. Эти “глумы”, при грубости нравов старого времени и разгуле праздничного похмелья, выражались в формах не всегда грациозных и подчас бывали уж слишком откровенны, но они нравились неразвитой толпе, а потому продолжали держаться и тогда, когда давным-давно была позабыта та мифическая основа, на которой возникли эти нецеломудренные игрища»⁸. Но вовсе не одними рецидивами язычества объясняется противоречивое сочетание в русской половой культуре грубого разврата и аскетизма, а в первую очередь своеобразием «русской души», на что обращали внимание еще С.А. Аскольдов и Н.А. Бердяев. «В русском человеке как типе наиболее сильными являются начала *святое* и *звериное*», – отмечает Аскольдов⁹. «Для русского человека так характерно это качание между святостью и свинством», – высказывает схожую мысль Бердяев¹⁰. Ангельское, святое применительно к русской половой культуре вело к аскетическим настроениям, звериное, свинское провоцировало

⁵ Ерофеев Виктор. Любовь и говно./Бог Х. – М.: Зебра Е, 2005, – с.182.

⁶ Ерофеев Виктор. Мужское богатство./Мужчины. – М.: Зебра Е, 2005, – с.122.

⁷ Платонов О.А. Русская цивилизация. – с.127.

⁸ Афанасьев А.Н. Грозы, ветры и радуга./Древо жизни: Избранные статьи. – М.: Современник, 1982, – с.98.

⁹ Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции.//Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991, – с.225.

¹⁰ Бердяев Н.А. Судьба России./Судьба России. – М.: Эксмо-пресс. Харьков: Фолио, 1998, – с.338.

половой разврат, бездуховную физиологию. В связи с этим прав В.В. Розанов, когда отмечает, что «странный дух оскопления, отрицания всякой плоти, вражды ко всему вещественному, материальному – сдавил с такою силою русский дух, как об этом на Западе не имеют никакого понятия»¹¹, прав О.А. Платонов, когда пишет, что «половая любовь и физическое обладание любимым в народной культуре России мыслились только в браке...»¹². Но так же прав и М. Горький, когда демонстрирует ужасы «помойной ямы», «бешенство плоти» и «чувственности грязный лик», опираясь на богатый личный опыт.

Данное противоречие проявилось и в русских сказках, одном из наиболее важных жанров фольклора, во все времена востребованном как в плане предложения, так в плане спроса. Отождествление сказки исключительно с вымыслом – поверхностная ассоциация, против которой активно выступал знаток и собиратель сказок А.Н. Афанасьев. «Сказка склад, песня – быль, говорила старая пословица, стараясь провести резкую границу между эпосом сказочным и эпосом историческим. Извращая действительный смысл этой пословицы, принимали сказку за чистую ложь, за поэтический обман, имеющий единою целью занять свободный досуг небывалыми и невозможными вымыслами. Несостоятельность такого воззрения уже давно бросалась в глаза», – пишет фольклорист¹³. Не только художественная литература является по отношению к философско-теоретическому познанию своеобразной «эмпирией», выступая как материал, «наиболее подготовленный для последующей концептуализации средствами философского мышления»¹⁴, но и народная сказка.

С одной стороны, русские народные сказки в соответствии с «ангельским», «святым» выражали господствующие в народе моральные нормы, способствуя привитию любви и супружеской верности. Из сказки в сказку проходит идея честности и преданности супругов по отношению друг к другу и неизбежности наказания за предательство, измену. Следует заметить, что предательство со стороны невест и жен (патриархальная модель русской общественной жизни накладывает свой несомненный отпечаток на половые роли) в русских народных сказках связано не с любовным треугольником или адюльтером, а с неравным социальным статусом мужа или жениха и, соответственно, с нежеланием жить с простолюдином – народная убежденность, что «стерпится – слюбится», вера в сакральное происхождение брачных уз, отождествление сексуальности с греховностью, скромное место, отводимое в системе ценностей сексуальному наслаждению, не допускали (хотя на деле это, конечно, случалось) зарождения любви и уж тем более просто физиологического влечения одного из супругов к стороннему лицу. Осуждалось и увлечение чужими мужем или женой. В бытовых сказках, повествующих о супружеской жизни русских людей, вопреки отрицательным личным качествам супруги остаются преданными друг другу. Если русская народная сказка не только одобряет брак простолюдина со знатной особой женского пола, царевной или королевой, но и допускает успешное управление крестьянским сыном царством-государством (не отсюда ли заимствовано ленинское убеждение в аналогичной способности кухарки!), то неравный по возрасту брак в ней однозначно осуждается; более того, уже допускается любовное увлечение молодой жены при старом муже. Алена, прекрасная царевна, в сказке «Иван меньшой – разумом большой» говорит старому царю, рекомендуя тому «омолодиться» в кипящем молоке: «Да не хочется мне, чтобы ты такой старый да седатый со мной под венец шел. Станут люди судить-рядить, над тобой смеяться, скажут: “Старый да седатый молодую взял. А у старого да седатого молодая жена – чужая корысть”. На людской роток ведь не накинешь платок»¹⁵. В интервью в связи со своим 60-летием Никита Михалков говорил об имунитете против пошлости, воспитываемым «бабушкиными сказками».

¹¹ Розанов В.В. Русская церковь. // Религия и культура. – М.: Правда, 1990. – с.335.

¹² Платонов О.А. Русская цивилизация. – с.126.

¹³ Афанасьев А.Н. Происхождение мифа, метод и средства его изучения. / Древо жизни: Избранные статьи. – с.36.

¹⁴ Москвина Р.Р., Мокронос Г.В. Человек как объект философии и литературы. – Иркутск: Иркутский университет, 1987. – 191с.

¹⁵ Русские народные сказки. / Составитель не указан. – М.: Гослитиздат, 1952. – 109-110.

Но есть и другие русские народные сказки, «заветные» или, как их еще напрасно называют, «эротические», такие сказки собирались А.Н. Афанасьевым¹⁶. Эти сказки также отражают половую культуру русского народа, однако уже не столько «святую» и «ангельскую», сколько «звериную», «свинскую» ее стороны. И в «эротических» сказках присутствует осуждение супружеской измены: достаточно распространенный сюжет, когда слуга (батрак, казак) выручает обманываемого женой хозяина, после чего прерывается незаконная связь, а любовник, позарившийся на чужую жену, подвергается солидной трепке. Наказание за прелюбодеяние, в т.ч. за супружескую измену, как правило не слишком суровое и обычно сводится к выталкиванию в шею и побоям, не более того: в большинстве случаев русский человек не хватается за топор или нож. Да и вообще особо бурных эмоций персонажи русских народных сказок проявлять не спешат или не могут, ревнивцами обманутых мужей назвать никак нельзя.

Никак нельзя назвать сами эти сказки «эротическими». Ни эротики, ни порнографии они не содержат. Эротические и порнографические материалы разными средствами преследуют одну общую цель (что наряду с неизбежным субъективизмом оценок затрудняет их разграничение): пробуждение либидо. Русские сказки рассказывают об интимных сторонах взаимоотношения полов так, что способны вызвать у неперверсно ориентированного читателя лишь обратную реакцию устойчивого отвращения. А вот приверженцы сексуальных девиаций (при всей относительности в сексуальной сфере патологии и нормы, на что обращал внимание, опередив современную сексологическую мысль, В.В. Розанов, правомерно девиантное поведение и пристрастия от общепринятых отличать) обнаружат в этих сказках многочисленные предметы своих нездоровых пристрастий.

Прежде всего это похабщина, мат, столь свойственные вопреки мнению О.А. Платонова русскому народу. Встречаются даже «сказки» без какой-либо сюжетной линии, представляющие собой почти бессмысленный набор самых грязных слов. Возбуждение нецензурными словами – ярко выраженная перверсия. Почти треть объединенных в афанасьевском сборнике сказок обслуживает потребности приверженцев пикацизма (эксcrementофилии), когда физиологические выделения организма играют роль фетиша, и даже салиромании, при которой наблюдается «получение сексуального удовлетворения в результате мазания других людей грязью, калом, мочой, кровью и т.д. (разновидность садизма)»¹⁷. Присутствуют в сказках примеры скотоложства, геронтофилии (влечения к лицу старческого возраста), трансвестизма, кандаулеизма – «разновидности эксгибиционизма, сочетающейся с мазохизмом, основанной на достижении сексуального возбуждения при демонстрации обнаженной собственной жены или партнерши другим мужчинам»¹⁸, эксгибиционизма. Нет, как уже выше отмечалось, ни малейшего намека на эротику!

Специфика русского крестьянского быта, для которого, в частности, было свойственно совместное проживание представителей разных полов и поколений (вся большая семья собиралась в зимние ночи вокруг печи), провоцировала пониженный уровень стыда при отправлении естественных потребностей, в т.ч. половых, что также нашло свое отражение в народных сказках, например, в сказке «Солдат и хохлушка».

Культурно-философская антропология пола и любви имеет предметом своего исследования образы любовно-половой культуры в философско-антропологической, богословско-религиозной и литературно-художественной рефлексии. Соответственно, в предметное поле культурно-философского антропологического исследования вполне вписывается сказка, выступающая убедительным свидетельством особенностей отечественной народной половой культуры.

Список литературы

1. Платонов О.А. Русская цивилизация. – М.: Роман-газета, 1995. – 224 с.
2. Розанов В.В. Люди лунного света./Уединенное. – М.: Правда, 1990.
3. Тургенев И.С. Дым./Собр. соч. в 10 т. Т.4. – М.: ГИХЛ, 1961.

¹⁶ Афанасьев А.Н. Русские эротические сказки. – СПб.: Лениздат, Ленинград, 2008.

¹⁷ Старович З. Судебная сексология. – М.: Юридическая литература, 1991. – 64.

¹⁸ Там же. – с.67.

4. Ерофеев Виктор. Любовь и говно./Бог Х. – М.: Зебра Е, 2005.
5. Ерофеев Виктор. Мужское богатство./Мужчины. – М.: Зебра Е, 2005.
6. Платонов О.А. Русская цивилизация.
7. Афанасьев А.Н. Грозы, ветры и радуга./Древо жизни: Избранные статьи. – М.: Современник, 1982.
8. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции.//Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991.
9. Бердяев Н.А. Судьба России./Судьба России. – М.: Эксмо-пресс. Харьков: Фолио, 1998.
10. Розанов В.В. Русская церковь.//Религия и культура. – М.: Правда, 1990.
11. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа, метод и средства его изучения./Древо жизни: Избранные статьи.
12. Москвина Р.Р., Мокронос Г.В. Человек как объект философии и литературы. – Иркутск: Иркутский университет, 1987. - 206 с.
13. Русские народные сказки./Составитель не указан. – М.: Гослитиздат, 1952. - 536 с.
14. Афанасьев А.Н. Русские эротические сказки. – СПб.: Лениздат, Ленинград, 2008. – 320 с.
15. Старович З. Судебная сексология. – М.: Юридическая литература, 1991. – 336 с.

RUSSIAN FOLK TALE AS THE ILLUSTRATION OF NATIONAL SEXUAL CULTURE

A.M. STRAKHOV

Belgorod State University

e-mail: strakhov@bsu.edu.ru

The article deals with Russian sexual culture. The main idea of the text is that Russian folk tale illustrates the level and characteristics of Russian sexual culture.

Key words: story, culture, sex, eroticism, Russia.